
ДИССОЦИАТИВНОЕ РАССТРОЙСТВО ИДЕНТИЧНОСТИ КАК НЕАССИМИЛИРОВАННЫЙ ВОЗРАСТ ЛИЧНОСТИ

ВЛАДИМИР МИКАЕЛЯН

Диссоциативное расстройство идентичности всегда находилось в центре внимания клинических психологов и психиатров, интерес к этой нозологии претерпевал определенные спады и подъемы. Это расстройство и притягивает своей загадочностью, и вызывает бессознательный страх даже у специалистов, что вполне совместимо: как правило, то, что вызывает бессознательный страх, притягивает человека. Этим и объясняется средневековая «охота на ведьм», на «одержимых». В современном научном мире бессознательный страх перед диссоциативным расстройством компенсируется его активным изучением. Диссоциативное расстройство идентичности, с одной стороны, может быть рассмотрено в качестве негативного защитного процесса, с другой – как неполноценная попытка сформировать осознанную психическую целостность личности. О защитной функции диссоциации много написано в рамках психоаналитической парадигмы, однако рассматривать диссоциативный процесс как неполноценную попытку формирования целостности столь же актуально. Диссоциативный процесс – это, по сути, отчуждение от единого «Я», от контролирующего единого центра. Он происходит всякий раз, когда вследствие травматизации опыта единое «Я» не может ассимилировать травматические переживания и они не помещаются в границы возможной ассимиляции. Вследствие несостоятельности эмоционального иммунитета «Я» переживания сбрасываются, вытесняются в бессознательное, однако вытеснение не удается. Поэтому реагировать на травматическое переживание приходится иным способом – разрушением психической целостности личности. Если же вытеснение удается, то, как правило, расстройство не формируется.

Расстройство всегда возникает вследствие неудавшегося вытеснения. Это принципиальное положение психоанализа часто просто игнорируется. «Пожалуйста, отметьте – не вытеснение, а неудавшееся вытеснение продуцирует симптомы»¹. Неудавшееся вытеснение включает в себя искаженное чувство времени. Если вытеснение травматического эпизода не удалось, он зависает в том времени, когда произошел, и выпадает из последовательности линейного времени. Тем самым последовательность и целостность линейного времени нарушается, утрачивается определенный уровень контроля Я-сознания над психическими переживаниями. Все травматические эпизоды, на которые не последовало реакции, освобождаются от

---

¹ Брилл А. Лекции по психоаналитической психиатрии. М., 1998, с. 53.

контролирующей функции Я-сознания. Именно таким образом формируется тенденция к автономному функционированию субличностей.

Диссоциативные расстройства личности, как известно, включают в себя пять основных видов. Каждый из них рассматривается в функциональной целостности и раскрывается в связи с другими видами. Психологический анализ подводит нас к тому, что основной функцией диссоциативных расстройств становится изоляция от негативных переживаний. Потребность вытеснить травмирующие эмоции из сферы сознания запускает диссоциативный процесс. Диссоциация как проблема идентификации с собственной личностью – естественное состояние при измененном сознании. В таких состояниях нарушается и восприятие линейного времени, кроме того, в человеке начинают функционировать различные психофизиологические субличности. Воздействие настоящего и будущего на прошлое связано с изменением личностной истории человека, с привнесением в фактическое прошлое нового психологического содержания. Когда эти процессы становятся активными, мы можем судить об эффективности и целостности психотерапевтического вмешательства. В психотерапевтической практике прошлое личности как бы отсекается от ее настоящего и будущего. Часто многие терапевты просто провоцируют такой подход, советуя человеку забыть прошлое и попытаться в ином ракурсе оценить свою жизнь. Так формируются новые субличности, ранее отсеченные от целостной психики человека. Каждая новая субличность – это психическая проблема, неассимилированная адаптационной системой личности. Выпадая из хронологической последовательности, из адаптационной системы, психическая проблема перебрасывается в бессознательную вневременность. Здесь она обретает свое место. И, что самое главное, находит смысловые ассоциации в прошлом.

Таким образом, вытесненная травма не отмирает в бессознательном, напротив, начинает активно формировать смысловые ассоциации. Так и складываются новые биографии парциальных личностей. Вытесняясь в бессознательное и становясь субличностью, травма обрастает новым смыслом и переходит порог Я-сознания в виде расстройства, приобретает новую смысловую форму, латентно развивается. Поэтому некоторое время (для каждого индивидуально) человек не испытывает негативных состояний. За то время, пока в бессознательном формируется расстройство, Я-сознание здорово. Травма уходит вглубь, попадая на благодатное поле латентного развития вне контроля Я-сознания. Поэтому те или иные стрессогенные ситуации приобретают у разных людей совершенно разные формы негативных состояний. Так как в бессознательном функционирует принцип вневременности, здесь не работает логика прошлого и настоящего, логика как таковая, а всё вытесненное подлежит смысловому развитию вне временных рамок. Именно поэтому детские травмы формируют субличности зрелого возраста. Негативные переживания выпадают из сферы линейного времени, т. к. несут в себе крайне разрушительную функцию. Сильные негативные переживания не ассимилируются адаптационной

системой – основной идентичностью в данном конкретном возрасте. Поэтому всякое психическое расстройство – это расстройство возраста, выпадение психологического возраста из хронологической последовательности жизни. Диссоциативный процесс, таким образом, может быть рассмотрен как неассимилированный аспект возраста личности.

В диссоциативном расстройстве формируются отдельные части «Я», выпадающие из-под контроля Я-сознания, то есть из хронологического времени. Части «Я», или субличности (альтер-личности), функционируют, поскольку психическая деятельность пересекает его границы. Попадая в область бессознательного, мы попадаем в поле функционирования альтер-личностей. В хронологическом времени задействована основная личность, то есть Я-сознание. Выход за пределы Я-сознания активизирует бессознательный защитный процесс, изолирующий переживания травмы от Я-сознания, которое неспособно ее ассимилировать и расщепляется. Так травма выводится из линейного времени. Поэтому неминуемым становится формирование альтер-личностей, которые функционируют латентно, в сфере бессознательного психического.

Формирование альтер-личностей не самоцель. Этот сложный процесс стимулирует эффективную психическую деятельность, психическое здоровье. Альтер-личности берут на себя разрешение травматического прошлого. А так как оно получает свое разрешение в автономной психической реальности, пациент не желает интегрировать альтер-личность в единое психическое поле жизнедеятельности. Это нежелание выражается в амнезии, личность не помнит о существовании альтер-личности.

Способом разрешения травматического прошлого становится отказ от основной идентичности и формирование новой личности. Травма запускает процесс формирования или актуализации новой личности, тем самым освобождая основную личность от негативных переживаний. Биографическое последовательное время дробится. Травматический опыт выносится за границы основной идентичности и создает параллельную биографию. Чтобы вытеснить травматическую альтер-личность, формируются амнестические барьеры. Такое разрешение травмы становится панацеей, и новая альтер-личность сразу же получает защитную оболочку. Прекращается доступ основной идентичности в пределы травматической альтер-личности. Последняя, отколовшись от единого психического поля, обрывает собственной биографией и психофизиологией. Если в единой целостной психической жизни травматическое прошлое вытесняется и, следовательно, не ассимилируется в психическую целостность, то формируются альтер-личности, которые должны стать единственными носителями прошлого и его травм. И самым «эффективным» способом разрешения травматического прошлого становится отказ от основной идентичности. Новая альтер-личность освобождает основную от травматических переживаний прошлого. Формируется новая биография, новая личностная история. А поскольку в бессознательном отсутствует возрастная конкретика, то новая альтер-личность может иметь возраст, отличный, от реального; то же са-

мое касается и половой принадлежности, которая в бессознательном не дифференцирована. Оно по своей природе андрогинно или трансгендерно. Что касается имени, которое также меняется, обратимся для примера к медицине примитивных обществ, считавших болезни следствием влияния злых духов или колдунов. И лечение сводилось к определенным мантрам, заклинаниям, то есть парapsихологическому воздействию. Злых духов нужно было отогнать или обмануть. С этой целью на лицо больного надевали маску или меняли ему имя. Здесь мы сталкиваемся с новой личностной историей и новой идентичностью. По сути, эти процедуры – целенаправленное формирование диссоциации, уберігающей человека от психических и психосоматических страданий. То, что в отдаленные времена считалось терапией, сегодня перешло в область патологии. Впрочем, магическая медицина до сих пор практикуется в Полинезии и Австралии...

Мир становится для нас психической собственностью, когда он вплетается в наши эмоции и знания, а эмоции привязываются к событиям нашей жизни и находят свое место в трех категориях времени, а значит, и в душе, теле и духе. Эмоции человека детерминированы также внешней средой, поэтому все мы эмоционально зависимы от нее, наши радости, и страдания, и понимание смысла жизни должны что-либо в нас менять и делать нас совершенней. Иначе человеческая жизнь станет подобием театра абсурда. В этом мире всё (а не только страдания, как считает В. Франкл) имеет смысл в той мере, в какой мы становимся другими. Каждый раз, воспринимая что-либо из окружающего, мы адаптируемся к воспринятому, вернее, к нашему представлению о нем. Каждая единица воспринятой информации диктует определенный уровень адаптации к ней и требует безопасной для нашей психики ассимиляции, подгонки под имеющуюся психоэмоциональную структуру нашего миропонимания. Внешний мир становится для нас желанной собственностью, если не представляет угрозы нашему существованию. В этих случаях мы наделяем его личностно-эмоциональным смыслом.

Привыкание и адаптация не идентичные понятия. Привыкая к чему-либо, мы не анализируем и не сопоставляем, мы привыкаем, потому что ощущаем в этом потребность, часто неосознаваемую. Для адаптации мы используем наши мыслительные и эмоциональные способности, пытаемся анализировать, и программировать, и предугадывать возможные последствия нашего поведения и мысленно адаптируемся к возможному будущему. Для нас будущее не время, а то, что может произойти. Именно в этом русле, очевидно, постигается парадигма бессознательного уровня психики. Наше бессознательное, строго говоря, не хочет создавать для нас неразрешимых проблем; мы сами всю жизнь учимся вредить себе. Но стоит нам отнестись к нашему бессознательному с доверием, как перед нами откроется огромное богатство миропонимания.

Мы ставим перед собой цели, прилагаем усилия для их достижения, а затем начинаем сомневаться в правильности своих действий. Наше сознание страдает однобокостью, оно зависимо от многих эмоций и иных пси-

холологических факторов, а это значит, что оно не свободно. В отличие от сознания, бессознательное независимо – не зависит от эмоций, хотя бы потому, что само их производит. Но эмоции, произведенные бессознательным, вовсе не таковы, какими их видит сознание. Сознание впадает в зависимость от них, не стараясь понять – чего, собственно, добивается бессознательное, вызывая те или иные мыслепереживания? Мы специально говорим о мыслепереживаниях, а не о мыслях и переживаниях отдельно. Всякая мысль окружена эмоцией, как плацентой, чистая мысль – сфера бессознательного психического; переходя порог сознания, оно трансформируется в «мыслеэмоцию», при этом неминуемо теряя свое объективное значение и смысловую специфику. Сознание современного человека пока еще не способно воспринимать бессознательные откровения такими, каковы они в действительности. Поэтому бессознательное становится для нас мыслепереживаниями, мы смутно переживаем мысль, не воспринимая ее в первозданной целостности. Как новорожденный плачет, когда голоден, т. е. еще не владеет языком, мы переживаем эмоцию, когда интуитивно воспринимаем бессознательные откровения, поскольку не владем их языком. Сугубо теоретически можно допустить, что эмоции, испытываемые личностью, прежде были мыслью в бессознательном психическом. Мысль в бессознательном, переходя порог сознания, становится образом или эмоцией или тем и другим одновременно. Мыслительную деятельность бессознательного нельзя целостно ассимилировать сознательным уровнем психики. Она должна пройти причинно-следственную фильтрацию, попасть в линейную интерпретацию времени. Единое вневременное бессознательное трансформируется в линейность Я-сознания.

Не понимая посланий бессознательного, мы испытываем тревожные и невротические состояния, обретаем психические и психосоматические расстройства. Сознательное мышление человека привносит многочисленные субъективные искажения, пытаюсь понять бессознательные содержания. Смысловая активность бессознательного практически никогда не воспринимается сознанием объективно. Человек в своем сознательном миропонимании очень часто не видит «за деревьями леса». Выводы, к которым он приходит сознательным путем и считает единственно верными, могут быть психологически ущербными.

Бессознательные содержания психики не ассимилируются сознательным мышлением адекватно и целостно, а просто подгоняются к возможной социально-психической адаптации. Территория сознания не вмещает в себя содержания, не соответствующие ее «ландшафту». Мысль и осознание мысли (мышление о мышлении) не идентичны. Мысль может существовать, оставаясь неосознанной. Именно на этом предположении строится психоанализ. Тут нет ничего нового и сомнительного. Вопрос в ином. Мы не осознаем мыслительного процесса, который протекает бессознательно и, строго говоря, находится вне времени, попытки осознать продукт мышления становится делом сознания. Но так как мыслительный процесс в чистом виде свободен от линейности и последовательности, то не осозна-

ется сознанием. «Образ мысли», порожденный бессознательным уровнем психики, переходит на уровень сознания уже в ином виде, в виде мыслепереживания. Активность сознания состоит уже в том, чтоб оформить мысль, но не мыслительный процесс. Оформление мысли – это наделение ее темпоральными характеристиками. Но, попадая в границы линейного времени, мысль сужается, теряет свою целостность и становится мыслепереживанием. Вневременность (мысль) переходит в линейность (чувство мысли). Мысль, облаченная в эмоцию, неминуемо порождает тревогу.

Таким образом, временные статусы сознания и бессознательного не идентичны. Поэтому смертность человека становится необходимым условием его способности к развитию. Вечность – это небытие, смертность – это жизнь. С другой стороны, если дифференцированность времени является смертностью, то его целостность есть вечность или бессмертие. И в развитии человека произойдет переход к целостное восприятие бытия, то есть человек неизбежно перейдет в состояние целостного времени, а его статус – в иное измерение. Цикличность развития предполагает новый виток, новое состояние. Если сначала смертность – это необходимое условие развития, то в дальнейшем развитие начинает отрицать смертность и приводит к выходу из временных границ. Для полноценного восприятия времени необходимо воспринимать его как мыслительный процесс, отказаться от идеи материализовать время, привязать его к событиям жизни. То есть нужно выйти за границы дифференцированного (или событийного) времени, так как мы привязываем его к событиям своей жизни. Дифференцирование времени – это расщепление единой психической жизни, поэтому в границах событийной психики всегда не хватает принципа целостного вневременного восприятия жизни. Деление времени на прошлое, настоящее и будущее очевидно, однако вызывает недоразумения. Мы не вполне воспринимаем дифференцированное время, мы просто признаем его. Никто из смертных так и не научается жить в соответствии с временной дифференциацией. Если бы обратное было верным, то каждый из нас навсегда оставлял бы прошлое в прошлом, жил настоящим и верно воспринимал будущее. Человеку же свойственно постоянно смешивать эти понятия. Прошлое становится достоянием истории. Мы говорим о дифференцированном прошлом в историческом контексте. На самом деле наши мыслепереживания прошлого резко отличаются от его хронологического понимания. Иными словами, рациональное понимание времени не адекватно его эмоциональному переживанию. Для нас прошлое – это событийное время, это эмоции, переживания, мысли, которые никак не становятся прошлым, вклиниваются в настоящее и будущее и в конечном итоге формируют их. Можно сказать, что время для каждого из нас – будущее, собранное на материале прошлого.

Мы обязаны осветить и проблему возрастного восприятия времени. Известно, что в разном возрасте человек по-разному воспринимает и переживает его. Однако это утверждение небесспорно. Принято считать, что молодежь ориентирована на будущее, люди же преклонного возраста уст-

ремлены в прошлое. К примеру, до психоэмоциональной зрелости, до 21 года (условно), прошлого как будто не существует. Юноша живет будущим, его прошлое – только прелюдия грядущего. Но его переживание вечности или бессмертия достаточно интенсивно в бессознательной психике. Понятие «вечная любовь» для него эмпирический факт, а не абстракция. Бессознательная активность занимает доминирующее положение в психике молодого человека. Нельзя не отметить противоречие, сформированное в нашем миропонимании: мы называем психоэмоционально зрелым возраст, в котором рациональное мировосприятие существенно уступает иррациональному. Причем иррациональное часто отождествляется с патологией, во всяком случае, не считается нормальным. Следуя данной логике, границы психоэмоциональной зрелости следует отодвинуть. Однако мы хотели бы предложить иную трактовку этого процесса – человеческую жизнь можно представить как постепенный переход из вневременности во временную дифференцированность, переход бессознательного в сознательное. Но переход этот не является необратимым, в преклонном возрасте имеет место обратный переход сознательного в бессознательное; старики напоминают своей иррациональностью детей. Весь этот громоздкий процесс повторяется при неврозах и психических расстройствах, когда человек уходит в спасительную иррациональность, и психотерапия стремится вернуть его психику в сознательное миропереживание. Формирование новых субличностей, неконтролируемых единым центром Я-сознания, – это обратный переход из состояния «Я» в состояние «Мы», то есть к недифференцированному психическому мировосприятию. Человек заболевает, будучи в сознании, но в своем бессознательном он здоров. Точнее, в бессознательном здоровье и болезнь не дифференцированы.

В советской и постсоветской науке важное место занимает теория психологического времени, разработанная украинскими исследователями Е. И. Головахой и В. В. Кроником. По сути, это единственное полноценное исследование времени в психологическом контексте. Несмотря на то, что феномен времени изучался с древности, научные изыскания чаще всего тяготели к его мистическому значению, его смыслу с точки зрения Творения. С конца XIX века интерес науки концентрируется на психологической стороне этого феномена. Современная же наука, в частности клиническая психология, прежде всего, занята взаимообусловленностью психических и психосоматических расстройств, особенностями эмоционального переживания возрастных изменений. Несколько расширительно мы бы определили психологическое время как психобиологический и психосоциальный феномен со своим отлаженным «организмом», «физиологией» и концепцией реальности. Бытие времени обусловлено материализацией мысли, то есть физическим миром. Вне физического мира время – это мысль. В психике человека макрокосм именно так и представлен: в бессознательном – состояние, в сознательном – время. Это значит, что в сознании мы принадлежим физическому миру, а в бессознательном – космосу. Без становления времени невозможно становление физического мира,

более того, становление и развитие физического мира – это становление времени. Так как психика человека функционирует на границе двух реальностей, макрокосмической и физической, то восприятие времени в сознании несет бессознательную нагрузку. Вот почему в своем субъективном сознании мы не воспринимаем время объективно. Для каждого из нас оно течет по особому графику. Иначе его восприятие было бы универсальным. Но человеку свойственно воспринимать время, подчиняясь особенностям индивидуального бессознательного. Мы говорим о времени в материальных терминах, к примеру, для одних оно растянуто, для других сжато либо протекает рывками. При формировании диссоциативного расстройства человек возвращается к недифференцированной психике, когда нашу психическую сущность еще составляли древние боги. Мы возвращаемся в архетипический мир коллективного бессознательного, в котором единый контроль над психическими процессами осуществляло Мы-сознание. Эволюция выдвинула на его место Я-сознание; ныне наблюдается примат «я» по отношению к «мы», тогда как в недифференцированной психике диссоциативного расстройства картина прямо противоположна.

Травма становится не материализованной (нереализованной, неассимилированной) мыслью, мыслительный процесс, анализ травмы освобождает человека от переживаний. Мысль реализованная становится гарантией здоровой психики. В травме заложена нереализованная мысль, точно также в психосоматическом заболевании присутствует непонятая мысль, занимающая не свое место. При психосоматическом заболевании в организм внедряется неосознанное мыслепереживание, и если мысли и переживания не реализуются и/или не ассимилируются в психической деятельности, то переходят в организм и трансформируются в физическое заболевание. Терапия становится, таким образом, творением слова и времени или материализацией мысли. Это выведение мысли из организма путем ее осознания, а также ее раскрытие в психической травме, то есть интеграция автономного «Я» в единое психическое пространство личности. Травмы, на которые не последовало реакции, находят разрешение или в диссоциативном процессе (психологический путь разрешения), или в психосоматическом (соматический путь разрешения). Тело концентрирует в себе прошлое, настоящее и будущее и становится бессознательным носителем времени. Поэтому смерть является выходом из времени.

В субъективной психике объективное (хронологическое) время трансформируется в психологическое. Психика не может постоянно функционировать в хронологической последовательности, в линейном времени и уязвима для травматических переживаний. И диссоциативный процесс в этом смысле неизбежен. Иначе говоря, время всегда психологично. В контексте психической реальности объективного времени вообще не существует. Вне психики мы не можем судить ни о его существовании, ни о чем бы то ни было. В бессознательном мы переживаем вневременность, в сознании – длительность и последовательность времени. Бессознательная вневременность означает отсутствие конкретного времени, отрицание

жизненной длительности, а кроме того, личностного уровня миропереживания. Бессознательное нелично. Это психологический факт, ибо бессознательное не учитывает страдания личности, переживающей расстройство. Бессознательная довременность является вечностью, на этом уровне переживания функционирует принцип «везде и всегда». Бегство в диссоциацию – это уход в бессознательное, туда, где нет времени как последовательности жизненных событий, которое и запускает невротические переживания. Последовательность жизненных событий, фиксируемая благодаря Я-сознанию личности, наделена латентной бессознательной направленностью. Мысли мы в причинно-следственной реальности с последовательностью событий, в континууме трех измерений времени (в прошлом, настоящем и будущем), то не были бы подвержены психическим расстройствам, переживаниям травматических событий. В Я-сознании последовательность слита в единое психологическое время, не дифференцированное в нашей жизнедеятельности, иначе былые травмы не становились бы нынешним переживанием. Эмоциональная жизнь личности не дифференцируется на временные отрезки, как невозможно разрезать воду на отдельные куски, а сегодняшние эмоции отделить от переживаний прошедшего. В диссоциации фиксируется обратная последовательность времени – от настоящего к прошлому, по сути, от будущего через настоящее к прошлому, хотя в объективном восприятии последовательность имеет противоположную направленность. При психическом расстройстве эмоциональная жизнь выпадает из-под контроля Я-сознания, т. к. подпадает под воздействия бессознательного.

Переживания мира в границах Я-сознания должны быть защищены от травм прошлого. При психическом же расстройстве человек выходит из границ Я-сознания, а с другой стороны, стремится с его помощью отделить свое прошлое от настоящего. В этом суть психотерапевтического процесса. Здесь мы наблюдаем активность Я-сознания, стремящегося восстановить объективную последовательность времени. При расстройстве, таким образом, наблюдается движение вспять – от Я-сознания к бессознательному. Если при прямой последовательности время течет из прошлого в будущее, то при обратной – из будущего в прошлое. В первом случае мы фиксируем состояние здоровья, во втором же случае – состояние расстройства. Однако при этом упускается из виду чрезвычайно важное обстоятельство: обратная последовательность означает отрицание времени и его разрушительных свойств, попытку выйти из его границ, преодолеть смертность и перейти в бессознательную довременность. Легко понять, что мы имеем дело с проявлением бессознательной защиты, ведь отрицание времени есть прямое отрицание реальности и Я-сознания, то есть отрицание возможности заболеть. Бегство в фантазию – это бегство в символическую и мифологическую реальность, в бессознательное, а значит, и во вневременность. Выходя из временной последовательности, человек преодолевает болезнь методом негативного аутопсихотерапевтического вмешательства. Отрицание реальности, наблюдающееся при психических

расстройствах, – это отрицание личностного времени, прошлого, настоящего и будущего, т. к. именно в этой плоскости формируется личностная патология.

При психическом расстройстве выход из временной последовательности означает бегство от разрушительной функции времени, то есть от невыносимого страха смерти. Человек непроизвольно уходит в бессознательное переживание вневременности, где нет последовательности и причинно-следственных связей и царит постоянное и неизменное настоящее. А главное, здесь нет будущего с его угрозами. Объективный мир как воплощенная история космоса являет собой сотворенное время, в отличие от «несотворенного» космического времени. Коллективное бессознательное как воплощенная история *homo sapiens* также является чистым временем. Как во внесубъектном времени не существует дифференциации на прошлое, настоящее и будущее, точно также нет ее и в коллективном бессознательном, где история человечества представлена в одновременном континууме. Лишь в сотворенном времени – в личностном бессознательном и Я-сознании – недифференцированность перетекает в конкретную событийную последовательность. Однако, как нам кажется, настоящее при этом выпадает из поля зрения. В содержательном смысле настоящее пусто, оно заполняется прошлым и будущим. Все, что находится в бессознательном психическом, имеет статус настоящего; здесь нет последовательности, господствует принцип вневременности, поскольку на этом уровне психического мы просто не в состоянии судить о последовательности явлений. Настоящее время – несубъектно. В сознательной последовательности времени мы домысливаем прошлое, настоящее и будущее. В бессознательном же прошлое, как и будущее, являются настоящим, то есть мы вправе говорить о настоящем-прошлом и настоящем-будущем. Признавая же измерения времени, мы вновь переходим на сознательный уровень его восприятия.

Психологическое исследование времени имеет примечательную особенность – оно полностью основывается на субъективных представлениях, далеких от объективной проверки. С одной стороны, это озадачивает в плане методологического понимания проблемы, с другой – исследования психологического времени сулят открыть различные стороны его жизнедеятельности. Поэтому любые попытки проанализировать психологическое время имеют экзистенциальный характер. Особенно они актуальны для клинической психологии. Феномен времени как в научном, так и в чисто прикладном аспекте имеет доминантное значение, чтобы понять структуру, характер и динамику психического расстройства. Это не вызывает сомнений даже у скептиков. Время формирования расстройства, время его протекания – те основные положения, которые всегда оговариваются в клинической практике, однако выпадают из области осмысления. Практикующие психологи устанавливают сроки, когда формировалось расстройство, фиксируют субъективное время его формирования, периодичность тревожных или иных негативных состояний, выявляют причин-

но-следственные связи между травматическими ситуациями и расстройством. Изучая структуру расстройства, мы приходим к мысли, что время всегда субъективно, его нельзя уловить вне переживаний личности. Несмотря на некоторую некорректность данного утверждения, сводящего феномен времени к субъективному переживанию или ощущению, в консультационной и психотерапевтической практике мы не можем иначе определить соотношение «время–человек». Время всегда очеловечено, а для лиц, страдающих невротическими расстройствами, всегда сопряжено с тревогой. Это не означает, что мы отрицаем несубъектное время, мы всего лишь говорим о времени как переживаемом субъектом феномене.

Субъективность времени, таким образом, приемлема не только в психотерапевтическом процессе. Однако феномен времени нуждается в дополнительном осмыслении с точки зрения объективного несубъектного бытия, что не предполагает противопоставления субъектного и объективного. Мы исходим из предположения о едином понимании данного феномена, точнее, из того, что объективное время может быть определено и материализовано лишь в его носителе – человеческой психике.

ՎԼԱԴԻՄԻՐ ՄԻԲԱՅԵԼՅԱՆ – Նույնականության դիսոցիատիվ խանգարումը որպես անձի չիրացված տարիք – Հոդվածում հիմնավորվում է այն թեզը, որ մարդու ադապտացիոն համակարգը չի կարող յուրացնել բարձր մակարդակ ունեցող բացասական ապրումները, և այդ պատճառով էլ հոգեկան ամեն մի խանգարում համարվում է տարիքային, կյանքի ժամանակագրական հոսքից հոգեբանական տարիքի արտանդում:

VLADIMIR MIKAELYAN – Dissociative Identity Disorder as a not Assimilated Age of the Person. – Psychological research time has one remarkable feature – it is entirely based on subjective views, and is sufficiently far from the objective test. On the one hand, this fact causes some puzzlement in terms of methodological understanding of the problem, on the other – the study of psychological time reveal to a man is an unthinkable great promise in studying various aspects of his life. Therefore, any attempts of scientific analysis of psychological time are existential in nature.